

ОБ ОСНОВАНИЯХ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ РЕФОРМЫ

Впервые эта записка была издана Московским государственным университетом в виде отдельной брошюры в 1901 году. Текст работы приводится по книге: Вернадский В. И. О науке. Том II. Научная деятельность. Научное образование. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. С. 115—143.

Записка «Об основаниях университетской реформы» явилась первой работой В. И. Вернадского по вопросам высшего образования. Она была издана Московским университетом в виде отдельной брошюры в 1901 г. Никогда не переиздавалась ни в сборниках произведений, ни отдельным изданием, ни в извлечениях.

Записка отразила его давний и глубокий научный интерес к проблемам народного образования вообще и университетского обучения в частности. Еще в 1881—1886 гг., будучи студентом Петербургского университета и после его окончания, став хранителем Минералогического кабинета университета, Вернадский вместе с друзьями образовал кружок, который поставил своей целью изучать проблему «Что читает народ?», отбирать, переводить с иностранных языков, издавать и посылать нуждающимся народным библиотекам дешевую литературу, главным образом просветительского характера, содержащую различные советы по сельскому хозяйству, экономике, естествознанию¹. Молодой ученый живо интересовался постановкой народного просвещения, прежде всего высшего, в России и за рубежом. Среди материалов его архива хранятся библиографические заметки, конспекты и выписки из исторической литературы и официальных изданий конца 1880 — начала 1890-х гг., касавшиеся исторического развития и современного состояния российских и европейских университетов.

Забота о народном просвещении отразилась на земской деятельности Вернадского. По его инициативе и при его активном участии в Моршанском

---

¹ См.: Корнилов А. А. Воспоминания о юности Ф. Ф. Ольденбурга // Русская мысль. 1916. № 8. С. 49—86; Ольденбург С. Ф. Юношеские годы // Архив РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 4. Л. 14—25.

уезде Тамбовской губернии открывались школы, а одна из них была построена и содержалась на его собственные средства.

В 1890 г. В. И. Вернадский вошел в число преподавателей Московского университета и вместе с Н. А. Умовым, К. А. Тимирязевым, С. Н. Трубецким, П. И. Новгородцевым и другими профессорами включился в борьбу за автономию университетов.

Непосредственным поводом к написанию Записки послужил циркуляр, разосланный в 1901 г. министром народного просвещения П. С. Ванновским всем университетам в связи с предполагавшейся университетской реформой. Министерство интересовало мнение ученых о недостатках внутреннего устройства и организации работы университетов, а также о мерах по улучшению их состояния. Записка В. И. Вернадского явилась ответом на эту инициативу. «На лето у меня масса планов: придется возиться с запиской об Университетских делах...» — сообщал он в письме Н. Е. Вернадской от 7 мая 1901 г.² Вернадский не ограничился тем, что направил ее в Министерство, а напечатал в университетской типографии небольшим тиражом для рассылки коллегам и некоторым общественным деятелям. На одном из двух экземпляров, хранящихся в Государственной библиотеке Российской Федерации, имеется его собственноручная дарственная надпись: «Дорогому Павлу Ивановичу Новгородцеву от горячо преданного друга. Автор»³.

Непрерывающиеся студенческие беспорядки [1] невольно обращают внимание общества и правительства на вопросы университетского строя. Но всего ближе и сильнее затрагивают они тех, вся жизнь и деятельность которых связана с университетами. Мысль этих лиц уже давно неудержимо ищет выхода из тягостного положения. Предложением от 28 апреля 1901 г. [2] г. министр народного просвещения дал выход этим желающим: он обратился в Советы университетов с рядом вопросов, причем предоставил полную свободу высказываться обо всех изменениях и недостатках университетского строя, на которые Совет сочтет необходимым обратить внимание.

² См.: Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. Ед. хр. 47. Л. 18 об.

³ Авторами комментария к публикации и последующих примечаний являются Г. П. Аксенов, М. С. Бахракова, И. И. Мочалов. Текст приводится по: Вернадский В. И. О науке. Том II. Научная деятельность. Научное образование. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. С. 143—145 (комментарий); 145—147 (примечания).

При обсуждении этих вопросов — в печати, в обществе, в университетах — невольно были выдвинуты принципы и основания, на которых должна быть построена университетская реформа, стало на первом месте выяснение идей и задач русского университета: ибо тот или иной взгляд на эти основания предрешает ответ как на предложенные г. министром вопросы, так и на все те, которые могут быть поставлены.

При этом определилось несколько течений общественной мысли. Так, многие считают необходимым радикальное изменение университетского быта. Выставляется неизбежность и необходимость «творчества» в этой области. В результате такого «творчества» получился между прочим проект организации университетов, пропагандируемый одной из московских газет, который в действительности предлагает полное уничтожение университетов с заменой их специальными школами и научными институтами. Отголоски таких воззрений — не столь логически явные — слышатся в обществе и даже в университетской среде.

Другие лица, выставляя необходимость радикальной реформы, стремятся к типу университета, очень далекого от исторически сложившегося русского учреждения. На первое место выставляется *учебное значение* университета, исчезает его служение для выработки личности в молодом подрастающем поколении страны. Идеальный тип будущего университета строится путем логического развития основных принципов немецкого университета: свободы учения и свободы преподавания.

Наряду с этим выясняется течение, которое считает необходимым остаться на исторически сложившейся почве. Почти не слышны защитники принципов современного университетского устава, сильно влияние лиц, желающих вернуться к основам устава 1863 г. [3], который в глазах русского общества, студенчества и университетских деятелей выступает в небывалом блеске и идеале.

Вдумываясь в происходящее, нельзя, мне кажется, не остановиться ближе и не считаться серьезнее с этим последним направлением общественной мысли. Университеты являются вековыми организациями в русском обществе, в них искони идет сознательная созидательная работа. Люди, составляющие университетскую корпорацию, по самой основе вещей привыкли иметь дело с свободной областью мысли, обсуждать с точки зрения разума все основы природных и общественных явлений, а тем более основы организации своего родного главного дела, своей *alma mater*. Со времен Ломоносова русские

ученые вдумываются и работают над университетской организацией, а с 1765 г. [4] обсуждают не раз основы ее в коллегиальных заседаниях своих Советов. В то же время, по крайней мере 50 лет, шла и идет живая и, с точки зрения жизненности русского государства, крайне отрадная (что бы ни казалось под влиянием интереса минуты) созидательная работа и среди молодых членов университетской корпорации — среди русского студенчества. Интенсивность и сила беспорядков отчасти служат выражением того, что формы университетской жизни не отвечают выросшему сознанию и потребностям студенчества.

Немудрено, если при этих условиях в университетах создалась традиция, на всем их строе отразились мысль и воля поколений научно и свободно мыслящих людей. Ни эта традиция, ни эти основы университетского строя — его идеалы — не могут быть уничтожены без уничтожения самого русского университета. Но только враги России или бессознательные их поборники могут стремиться к этому несчастью.

Целью моей — по возможности сжатой и краткой — записки служит выяснение необходимости стоять на исторически сложившейся почве, на осуществлении исконных идеалов при реформе русского университета. Мне кажется, только путем вдумывания в исторический процесс, каким сложились современные русские университеты, и путем выяснения того, во что обратился в них устав 1884 г. [5], можно найти правильный выход из современного положения. Только путем точного изучения конкретных явлений могут быть найдены практические и верные меры, не нарушающие жизнь и не вырождающиеся в бедствия.

Но прежде я хотел бы сказать несколько слов еще об одном направлении мысли, которое слышится громко, часто и, несомненно, является любопытным симптомом общественного настроения. Все те, которые стремятся выйти из тяжелого положения путем реформы университетского *строя*, видят причину беспорядка *внутри* этого строя. Причина беспорядков и нестроений ищется, однако, очень многими *извне*, причем одни считают такой причиной пропаганду и агитацию злонамеренных людей из революционных или реакционных течений в русском обществе, а другие, признавая всю совокупность общественных форм не отвечающей росту русского общества, указывают на невозможность достижения спокойствия в университете при общем недовольстве в широких слоях русского общества или на химеричность надежды провести университетскую реформу, основанную на принципах

(например, на самоуправлении), которым нет теперь места в других формах общественной жизни или которые в ней уничтожаются.

Я не могу согласиться с представителями этих мнений. Не отрицая значения в университетской жизни всех внешних течений и нестроений русской государственности, я думаю, что их значение здесь особенно чувствуется лишь благодаря тому, что чисто академическая почва лишена устойчивости и взломана неудачными реформами.

Университеты представляют особые организации, которые только частью своих интересов связаны с государством или обществом. Основы их строя покоятся в вечных областях мысли и истины. Подобно церковным организациям, они могущественно влияют на государство и общество, до известной степени неизбежно отражают происходящие там течения и в то же время имеют независимую от них вековую жизнь, связанную с созидательным научным вековым трудом. Временами в них особенно резко проявляется общественное недовольство или нестроение, но это лишь тогда, когда в них самих, в их внутреннем строе, нарушена нормальная жизнь. То же самое мы наблюдаем в истории церковных организаций.

Задача реформы заключается в том, чтобы дать им известную опору и устойчивость для продолжения непрерывной энергичной научной работы, для умственного развития и выработки сознательной личности в молодом подрастающем поколении. Тогда в значительной степени ослабеет влияние внешних брожений.

Но для этого есть всего один путь, а не несколько различных. Таким путем является восстановление нарушенных основ университетской жизни. В числе таких основ важнейшей можно счесть *автономию университетской корпорации*. Такая реформа может быть проведена при всякого рода внешних условиях, так как университетская автономия не связана с формой государственного или общественного устройства. Конечно, иногда полное достижение идеала сразу немислимо, но и частичное его осуществление придаст университетам силу пережить и выйти из постигших их невзгод. Таким частичным осуществлением идеала был, например, устав 1863 г.

Конечно, реформа университета в духе автономии не будет безразлична в общественной жизни. Исторически университетский вопрос тесно связан с политическими движениями и стремлениями в русском обществе. Этому чрезвычайно способствовали создатели устава 1884 г. Однако существующий порядок, созданный уставом 1884 г., с точки зрения государственной еще более

опасен, ибо он постоянно волнует общество и вводит в столкновение с властью поколения молодежи; можно думать поэтому, что явится более удобным даровать университетам расширение самоуправления и прав даже в то самое время, когда область самоуправления ограничивается в других проявлениях русской жизни.

1

Мы привыкли относить историю русских университетов к одному 19 в. В действительности их влияние коренится глубже и значение их в общей культурной истории русского общества несравненно шире.

Впервые в середине 17 столетия в желаниях и требованиях одной части русских племен, входящих в состав Русского государства, в Украине, было выставлено требование об открытии в Киеве университета. В революционной борьбе это желание не получило никакого практического исполнения. Но с вхождением частей Украины в состав России, в 17—18 столетиях, в русское общество вошло значительное количество лиц, прямо или косвенно связанных с академической жизнью Вильны или Кракова или даже университетов Запада. Киевская Академия [6] во многом была сколком отставших католических университетов Запада и с середины или даже до конца 18 столетия в ней живо было чувство академической жизни, не носящее чисто профессионального характера. Уже с 17 столетия малороссийское «шляхетство» получало там воспитание, и чувство академической жизни охватывало молодые годы юноши. В Слободской Украине [7] 18 столетия такую же роль играл Харьковский коллегиум [8].

Одновременно реформы конца 17 — начала 18 столетия ввели в русское общество многочисленную иностранную колонию, нередко из лиц университетского образования. Путешествия русских людей за границу еще больше сближали с жизнью университетов Запада. Проводя годы за границей, тесно входя в жизнь западных — преимущественно немецких (отчасти голландских, иногда шведских, например Афонин и другие ученики Линнея) университетов — русские люди приобщались к вековой жизни этих учреждений, на них она откладывала несмываемый отпечаток, и, возвращаясь в Россию, они переносили и на русское общество влияние этой вековой культуры, которая становилась им родной. Особенно сильно это чувствовалось, когда молодые студенты увлеклись новыми, живыми, сторонами

академической научной жизни. Ломоносов, Радищев, метафизики 1830—1840-х годов — сколько живого, глубокого, не выражаемого в словах, но вместе с тем действительного влияния вековой культуры на русское общество!.. Оно тем самым «старилось» и также в конце концов теряло в глуби веков свою культурную генеалогию, как потеряли ее молодые и варварские еще в 15—16 вв. в глазах романских племен германцы.

Завоевательная политика русского государства тесно вплела в русское общество чуждые элементы, веками связанные с университетами — поляков, немцев, шведов, — и в русское государственное тело вошли старинные университеты: шведские в Дерпте и Або [9], польские в Вильне и в Варшаве.

В развитии русского просвещения их роль и значение (особенно Дерпта и Вильны) далеко не могут быть обойдены молчанием (не бесследны были даже и некоторые чуждые учреждения, например иезуитские и пиеристские коллегиумы в Литве, Польше, на Украине, Кременецкий Лицей и т. д.).

Еще значительнее стала эта роль в 19 столетии. Некоторые из этих университетов — Варшавский и Дерптский, — проходя различные стадии, были превращены в русские учебные заведения. В то же время в университетах Запада стали получать образование целые тысячи русских граждан. Особенно увеличилось это движение за последние 20 лет, как ввиду усиления националистической политики, вызвавшей отлив в университеты Запада русских подданных: евреев, немцев, поляков, так и ввиду незначительного по потребностям русского общества количества русских университетов, их переполнения и тяжелых условий жизни в них молодежи, заставивших ежегодно целые сотни молодых людей русского происхождения искать образования за границей. Возвращаясь назад в Россию, все они вносят в русское общество традиции, привычки и влияние вековой культурной жизни западных университетов.

Под этим многообразным влиянием поддерживаются и развиваются общественные требования и взгляды на университетское образование, находящееся в резком противоречии с действительностью.

В то же время и внутри русского государства молодые русские университеты развивались и создавали традиции в тесной и близкой связи с жизнью своих заморских братьев. В этой жизни многое шло своеобразным развитием, во многом наши университеты не похожи на западноевропейские образцы, но и их жизнь созидалась на почве тех же самых принципов и служила лишь своеобразной формой их выражения. В живом и могучем теле русского

государства и общества, очевидно, и не могло быть места простому механическому перениманию.

В 18 столетии по влиянию, оказываемому на русское общество, надо главным образом принимать во внимание Московский университет; хотя далеко не бесследно прошла одно время жизнь академического Петербургского университета. И из него вышли люди, оказавшие глубокое влияние на умственную жизнь русского общества, например Румовский, Севергин и другие ученые натуралисты; в связи с ним развивались первые попытки созидательной законодательной работы в этом направлении, в нем вырабатывались планы Ломоносова, примененные им в более молодом Московском университете. Эти нормы для Московского университета были в значительной степени взяты по типу немецких университетов. Но это в то время значило мало. Немецкие университеты, как они живут в наших современных понятиях, — свободные, самоуправляемые рассадники обучения и вместе с тем очаги самостоятельной научной работы — *создание 19 столетия*. К середине 18 столетия только некоторые передовые кружки подготовляли возрождение и изменение немецких университетов, получивших свое окончательное выражение в 19 столетии; они вызвали организацию новых немецких университетов, оказавших глубокое влияние на весь строй академической жизни в конце 18 столетия в Геттингене, в начале 19-го — в Берлине. В тесной связи с этими передовыми течениями академической жизни в Германии шло насаждение университетского образования в России. Русские университеты создавались не только по образцу существующих немецких, но по тому идеалу, к которому стремились передовые академические деятели Германии.

С самого начала Московский университет получил некоторую форму самоуправления. Влияние его ясно и сильно сказалось уже в 18 в. — об этом громко говорят одни имена Шварца и Новикова. Но лишь с начала 19 столетия, с основания других университетов, академическая жизнь нашла настоящие основы в русском обществе. В 1804 г. русские университеты получили наибольшие права и наиболее свободную форму самоуправления, чем какая выпала на их долю в позднейшие годы их развития. Они явились вполне свободными, самоуправляющимися корпорациями. По определению устава 1804 г., «университет есть высшее ученое сословие, для преподавания наук учрежденное». Вместе с другими благими начинаниями первых лет царствования императора Александра I полное фактическое применение этих прав и неуклонное пользование законом установленным самоуправлением было

вскоре стерто наступившей реакцией, и до сих пор русские университеты помнят времена Рунича и Магницкого [10]. В эти года впервые поднялся призрак их уничтожения и превращения в специальные школы, который неизменно был по душе некоторым кругам русского общества в течение всего 19 столетия и грозил нам еще на днях. Не надо, однако, думать, что трудность применения в условиях тогдашней жизни свободного устава 1804 г., стеснение его в ближайшие же годы частными распоряжениями, упадок университетской жизни в царствование Александра I и в первые годы Николая I сделали бесследным в истории русской академической жизни Александровский устав 1804 г. Он явился идеалом, к осуществлению которого стремились лучшие люди русских университетов в позднейшее время; он давал ясные точки опоры и выражал определенные желанья. При обсуждении реформы 1863 г. основные принципы этого устава были выставлены Петербургским (1858), Московским и Харьковским (1862) университетами, многими отдельными лицами и, несомненно, оказали влияние на устав 1863 г. В первые годы действия устава 1804 г. в Харькове и Казани были счастливыми юношескими годами молодых учреждений, они не могли пройти безразлично и оставили неизгладимый идейный след. Самые гонения, которым подверглись отдельные члены корпорации в Казани, в Харькове и Петербурге, стоявшие за принципы устава 1804 г., постоянные житейские столкновения на его почве только способствовали закреплению его значения и создали трудноизгладимую традицию в академической жизни русских университетов. Фактически мало-помалу вырабатывались условия академической жизни; с большим трудом, подавляемые нередко произволом попечителей и чиновников их канцелярий, при бедных средствах и среди малокультурного крепостнического общества, в профессорской коллегии, наполовину нередко состоявшей из иностранцев, — медленно, но неуклонно — в тиши кабинетов и музеев вырабатывались основы русского университета. В это время шла глухая борьба за автономию, которая оставалась часто — но далеко не всегда — неисполняемым законом, хотя подтверждалась высочайше дарованными грамотами. Наконец в 1835 г. положение было изменено. Университеты получили новый устав, значительно сокративший автономию профессорской корпорации. Хотя права профессорской корпорации были по этому уставу больше, чем те, какими пользуются теперь профессора русских университетов (ректор и деканы были выборные), но по сравнению с 1804 г. автономия университета была уничтожена; Совет в текущей жизни был низведен в положение, аналогичное

современному, власть правления и положение инспекции — очень, правда, незначительной — сильно напоминают то, которое мы теперь видим по уставу 1884 г. Студенты значительно более подчинены были внешним формам академической жизни. Однако к этому времени уже сложилась русская университетская жизнь, выросло новое поколение профессоров, вошедшее в тесную связь с интеллигенцией Запада и отчасти получившее образование в Германии, стала подыматься научная работа университета и в научном труде находились точки опоры, совершенно независимые от внешних уставов и распоряжений. В то же самое время глубокие изменения происходили в жизни русского общества; они выразились в первом заметном приливе молодежи в университеты. По сравнению с фактическим — не юридическим — положением, устав 1835 г. дал удобную почву для развития университета: увеличение средств и увеличение кафедр, строгие рамки закона, положившие предел самовластию чиновников канцелярий, попечителей, некоторая доля обеспеченной независимости коллегий во внутренних делах — все это только развивало чувство академической жизни. В тогдашней безгласной России профессорская корпорация пользовалась даже значительными правами — выборными ректорами и деканами и в некоторых университетах, например Московском, фактически выборными профессорами. Так в эти годы (1835—1849) сложились русские университеты, оказали крупное влияние на рост русского общества — достаточно вспомнить Грановского — и смогли перенести разразившийся над ними в 1849 г. удар исключительных законов, снесших последние остатки самоуправления. Шесть тяжелых лет прошли над русскими университетами; второй раз подряд перед ними пронесся призрак уничтожения. Но в них уже научная жизнь не прерывалась и в эти годы и не стерлось стремление к автономии. С новым царствованием в 1855 г. рядом отдельных мер быстро были уничтожены все исключительные законы и университеты вернулись к уставу 1835 г., причем жизнь эпохи реформ фактически значительно расширила рамки закона, неуклонно возвращая университеты к грамотам 1804 г. Одновременно новый фактор в истории русских университетов — многочисленное студенчество — всюду вызвал к жизни в шестилетие 1855—1862 разнообразные формы и проявления студенческой общественной самодеятельности. Сложившиеся желания и стремления профессорских коллегий искали новые формы выражения; старые рамки авторитетного устава 1835 г. вполне не отвечали общественным потребностям, чувствовалась необходимость быстрых, решительных реформ

для избежания грозивших в противном случае беспорядков — и по инициативе Петербургского попечителя князя Щербатова в 1858 г. Совет Петербургского университета выработал проект нового устава. Это был второй пример такого обсуждения университетского устройства в истории русских университетов — первый пример был дан почти сто лет раньше, в 1765 г., Екатериной II в профессорской коллегии Московского университета. К сожалению, неизбежная и необходимая реформа не была своевременно проведена; формы академической жизни становились во все более резкое противоречие с духом времени, и в конце концов крупные студенческие беспорядки привели к явлениям, чрезвычайно напоминающим теперь нами переживаемое время. Беспорядки 1860—1861 гг. распространились на все университеты. Петербургский университет был закрыт. Невозможность существования университетов без коренного изменения чувствовалась всеми: опять выступали два течения — одно стояло за необходимость крутых мер или минимальных уступок требованиям времени, другие указывали на необходимость возврата к старинным основам русских университетов, к их автономии, на необходимость узаконить фактически сложившиеся в эти годы (1855—1861) и искавшие легального выхода проявления корпоративной жизни студенчества. Сперва победило первое течение; был выработан новый устав, введивший только немногие изменения против 1835 г. В таком положении застал дело новый министр народного просвещения А. В. Головнин. Он подверг выработанный в 1861 г. проект университетского устава широкому и свободному обсуждению в Советах и в факультетах университетов, в печати, в русском обществе, даже за границей, и как результат такого обсуждения 27 июня 1862 г. состоялось высочайшее повеление подвергнуть вновь переработке устав, приняв во внимание поступившие на него «Замечания». Эти «Замечания», своевременно напечатанные, представляют драгоценный памятник в истории русского университетского образования. Они сохранили свое значение до сих пор и являются для современной реформы материалом, заслуживающим полного внимания. Переработка проекта происходила в Ученом комитете, пополненном многими лицами, возражавшими на первоначальный проект. К концу года, к ноябрю, был выработан первоначальный проект университетской реформы, проект, восстанавливавший устав 1804 г., измененный согласно требованиям времени. Это первоначальный Головнинский проект 1862 г. был предварительно обсужден в особом Комитете под председательством графа Строганова, явившегося его горячим противником, и затем в Государственном

совете. В результате получился университетский устав 18 июня 1863 г., столь много сделавший для русских университетов, но, к сожалению, введший в их жизнь несколько условий, которые не дали установиться полному спокойствию. Восстановив потерянную в 1835 г. автономию Совета и дав самоуправление в духе устава 1804 г., устав 1863 г. в то же время сохранил параграфы, оставлявшие дискреционную власть и распоряжение в университете в руках попечителя. Этим создавалось двойственное положение, неизбежно приводившее к постоянным коллизиям и сильно способствовавшее, как оказалось, гибели устава 1863 г. В то же самое время этот устав резко стеснил прием сторонних слушателей, получивший в жизни университетов 1855—1862 гг. широкое и в общем очень важное для университетов развитие. Это отразилось, с одной стороны, на высшем женском образовании, заставило русских женщин стремиться в заграничные университеты, а с другой — привело к созданию неупругих ученических планов, укоренившихся, к сожалению, в русских университетах в связи с экзаменами и с другими их печальными последствиями во внутреннем быту. Наконец — создав корпорацию профессоров и дав им автономию, — он лишил студентов всякой легальной возможности проявить свое товарищеское чувство, вопреки установившемуся в течение семи лет обычаю и сложившимся привычкам, и поставил студентов в положение отдельных посетителей университета, всякая совместная деятельность которых являлась преступлением. Этим было создано положение, придававшее политическую окраску (борьбы против закона) всякому неизбежному в академической жизни проявлению чувства товарищества. В дальнейшей истории университетов повторявшиеся на этой почве студенческие беспорядки оказались губительными для самого существования автономии и привели в конце концов к уставу 1884 г. А между тем все эти условия отсутствовали в первоначальном Головинском проекте 1862 г. По этому проекту роль попечителя была точно и строго определена — как контролера министерства, следящего за исполнением закона университетскими органами, сейчас же прекращающего всякие его нарушения. Попечитель не был непосредственным начальником университета, таким являлся министр народного просвещения. Университетам давалась возможность широкого развития сторонних слушателей, чем ослаблялось действие ученических планов и вводилась столь тесно связанная с научным духом свобода учения. Наконец, Советы получали право легализовать те формы проявления студенческой корпорации, какие они находили нужным. Но

эти предположения не прошли в Строгановском комитете. Устав 1863 г. все же оказал огромное и плодотворное влияние на жизнь русских университетов. Он увеличил средства университетов, расширил их кафедры и в свободной автономии университетских Советов дал сильный толчок внутреннему развитию университета. Значение его для усиления научного движения в России признавали даже составители проекта 1884 г. К сожалению, неустойчивость положения университета сказалась почти тотчас же, как это предвидели многие защитники студенческой корпорации и полной университетской автономии еще при обсуждении устава. Уже в 1872 г. — после ряда частных распоряжений — состоялся общий опрос университетских Советов о выяснившихся недостатках устава 1863 г. в связи с внутренними коллизиями как в среде Советов, так главным образом с попечителями учебных округов. 23 декабря 1874 г. ввиду студенческих беспорядков, происходивших в ноябре и декабре 1874 г. в высших учебных заведениях Петербурга, состоялось особое совещание министров, принципиально решившее вопрос о необходимости уменьшения университетской автономии, увеличении попечительской власти, расширении инспекции и средств надзора за студентами. В это же время министром народного просвещения гр. Толстым была закончена реформа средних учебных заведений, при полном крушении которой мы теперь присутствуем, и была поставлена на очередь в том же бюрократическом духе реформа высшего образования [11]. В 1875 г. была образована комиссия для пересмотра университетского устава под председательством статс-секретаря Делянова, некоторые члены которой объехали университеты, опросили многих профессоров. Комиссия закончила свои работы в марте 1877 г. Материалы, ею собранные, отчасти были изданы и заключали немало любопытного: в них — ценные статистические данные, собранные за много лет, интересны многие впечатления и сведения из жизни университетов, — но пользование этими мнениями и фактами решительно невозможно; этот материал издан *анонимно*, из мнений и ответов не названных лиц приводятся одни отрывки, в нем масса предположений и впечатлений, догадок, подозрений, даже отголосков местных университетских дрызг, высказываемых как верные факты. Очень многие из них не могут быть проверены и, сверх всего, весь материал переработан составителями доклада комиссии. Надо ждать будущего полного издания протоколов и рукописного материала, собранного комиссией, которое, верно, откроет много любопытного и осветит многое неожиданно.

В 1879 г. проект устава был окончен, и 3 декабря 1879 г. состоялось высочайшее повеление о передаче его на рассмотрение Государственного совета. Но, помимо этого, гр. Толстой в виде временной меры провел через Комитет министров правила, совершенно изменявшие положение инспекции в университете и уничтожившие одним ударом некоторые стороны устава 1863 г.; они стали в резкое противоречие со всем его духом. Эти временные правила были утверждены 2 августа 1879 г. Инспекция была сильно увеличена по составу (почти вдвое), поставлена совершенно независимо от Совета, ректора или правления, вполне подчинена попечителю (при известном участии генерал-губернатора); в то же время были расширены ее функции: она должна была надзирать за студентами вне помещения университетов, приобрела широкие права по распределению пособий и стипендий.

6 февраля Проект общего устава был внесен в Государственный совет; но происшедшая вскоре (в апреле) смена министра — назначение министром статс-секретаря Сабурова — вызвала возвращение этого проекта назад в министерство согласно установившемуся в Государственном совете обычаю. В то же время фактически прекратилось применение временной меры 2 августа 1879 г. В 1880 г. министр народного просвещения получил приказание государя императора Александра II не вносить общий пересмотр устава, а предлагать на рассмотрение Государственного совета необходимые в университетском быту изменения по частям. Казалось, надвигающаяся реформа гр. Толстого миновала университеты.

В 1881 г. в Государственном совете рассматривалось поставленное на первую очередь изменение статей устава об инспекции, приведшее 26 мая 1881 г. к отмене постановления Комитета министров от 2 августа 1879 г., восстановившее старый порядок в положении и функциях инспекции, но сохранившее введенное в 1879 г. значительное увеличение ее числа.

Приостановившаяся, однако, реформа устава через некоторое время вновь была выдвинута. 30 ноября 1882 г. министр народного просвещения гр. Делянов вновь внес в Государственный совет старый проект гр. Толстого без всяких изменений, кроме тех, которые стали неизбежны вследствие закона 26 мая 1881 г. и вызванного им некоторого расширения власти и значения ректора. Перед этим по инициативе бывшего министра народного просвещения барона Николаи проект обсуждался в Советах университетов, но эти новые сведения никакого влияния не оказали, остались без движения. Государственный совет рассматривал проект, составленный в 1879 г., в 1884 г.,

все сведения и данные о положении университетов, представленные гр. Деляновым, относились к еще более старому времени — к 1874—1877 гг. А между тем годы с 1874—1884 были временем живого и сильного развития университетов и науки в России, и положение университетских дел в 1884 г. было иное, чем в 1877 г. Все делалось под покровом канцелярской тайны и стояло в резком противоречии с тем, как вырабатывался устав 1863 г. Государственный совет внимательно рассмотрел проект при участии члена Совета А. В. Головнина. Как известно, проект встретил в нем сильную — и как теперь оказывается, — вполне основательную критику, не получив большинства ни в департаментах, ни в общем собрании. Но в жизнь вошли не мнения Государственного совета, а мало измененный проект гр. Толстого — 13 августа 1884 г., — составляющий вместе с тесно с ним связанной гимназической реформой самый яркий образчик его государственной деятельности. Во время обсуждения проекта в Государственном совете по инициативе гр. Толстого было введено одно изменение, которое отсутствовало или не было ясно выражено в проекте 1879—1882 гг.: ректор и деканы, согласно мнению некоторых членов Государственного совета, перестали быть выборными и министр народного просвещения получил право назначать их по своему усмотрению. Этим вводился совершенно новый, неизвестный в 129-летней истории русских университетов принцип: деканы искони были выборными, ректор не был выборным лишь изредка — первое время Московского университета (назначенный ректор), во времена Магницкого и Рунича, в период 1849—1855 гг. ... Защищая эту меру против большинства Государственного совета, гр. Делянов видел в ней главную причину всех университетских неурядиц и волнений. Он говорил: «Корень всего этого зла заключается в том, что правительство совершенно устранило себя от учебного дела в университетах и предоставило его личному произволу профессоров, столь же произвольному усмотрению факультетских собраний и университетского Совета и существовавшему лишь на бумаге наблюдению ректора и деканов, которые, как выборные от профессоров должностные лица, никоим образом не могли наблюдать за их деятельностью с каким-либо начальническим авторитетом. Вследствие такого самоустранения правительства от учебного дела университетов один произвол профессорский неминуемо должен был вызвать другой произвол, студентский, в грубейшей форме шумных демонстраций, сходок, угроз и запугиваний»... Известно, как жестоко жизнь разбила это убеждение. Но та же самая неумолимая и могучая

жизнь живого государственного тела разбила и все другие предназначения составителей устава 1884 г.

2

В реформе 1884 г. выразились стремления разного характера: с одной стороны, в нее вошли постановления, вызванные чисто учебными целями и взглядами, с другой — решения, исходящие из соображений политических или государственных. Конечно, и эти последние должны отражаться на постановке преподавания и на всем строе университетов; но их значение с точки зрения образовательной или учебно-научной может быть только отрицательным или, в лучшем случае, безразличным. Университеты могут мириться с ними как с вызванными высшими соображениями государственной пользы и терпеть неизбежное, иногда тяжелое их влияние — они, однако, не вытекают из нужд или потребностей университетов, вызываются внешними им обстоятельствами и, очевидно, могут иметь в их строе и жизни только временный, преходящий характер. В тех случаях, когда они широко проникают все стороны жизни университетов, начинают преобладать в его установлениях и вместо мер против острой нужды становятся хроническими, — их развитие оказывается для университетов пагубным. Мы не раз видим в истории аналогичных западноевропейских учреждений, как падали и замирали от этих причин некогда мощные и живые университетские организации. Достаточно вспомнить историю университетов Испании, германских университетов в 16 и до середины 18 столетия, австрийских — до конца 18 в., итальянских — до середины 19 в., французских — до времен Дюрюи и 1885 г.

Со времени устава 1884 г. прошло 17 лет — период, достаточный даже в вековой жизни университета для оценки реформы и для полного о ней суждения; в этот долгий период времени, очевидно, должно было отпасть все то, чему по самой сути вещей, может быть только временное место в организации университета, и должно было сохраниться все то, что является коренным и основным, тесно связанным с правильным функционированием учреждения, с правильным биением его жизни. Прошел достаточный период времени, чтобы отпали и сгладились все неизбежные при начале всякой реформы, при всяком новом устройстве шероховатости и ненормальности и чтобы было достигнуто ровное и спокойное течение жизни.

И вот в эти 17 лет не осталось живым почти ничего из постановлений учебного характера, внесенных в университетский строй реформой 1884 г. От них сохранились лишь имя и форма без содержания. Они исчезли без всякого изменения устава законодательным путем, простым давлением жизни, постепенно отменялись ввиду необходимости учить и невозможности это исполнить распоряжениями и разъяснениями тех самых лиц, которые их вводили и которые выставляли их в течение долгих лет — с 1875 по 1884 г., — как результат внимательного, разностороннего изучения и обдумывания университетской жизни. А между тем это были только абстрактные, далекие от академической жизни вообще и от условий русской действительности решения, которые разлетелись и исчезли при первом столкновении с жизнью. В учебном отношении реформа 1884 г. вводила в жизнь русских университетов следующие новые явления.

1. Семестральный порядок лекций и уничтожение курсов. Этот порядок подымался еще в 1862 г. при обсуждении университетского устава, подвергся тогда вполне правильной критике и не был введен. Он принят по типу германских университетов, где, однако, приноровлен к совершенно иному распределению занятий и вакансий в среднеучебных заведениях и университетах. Огромное — неизвестное на Западе — количество праздников и восстановившиеся экзамены сделали деление на семестры почти не существующим. Оба семестра явились несоизмеримыми, второй оказался слишком кратким. Вначале деление на семестры проводилось в жизнь чаще, но им вносилась только путаница в чтение лекций.

2. В связи с семестрами были введены *зачеты семестров*. После 17 лет, однако, не выработалось никакой ясной и точной нормы этих зачетов. Они производятся всюду различно и в конце концов большей частью сошли на письменное удостоверение посещения и исполнения практических занятий — того, что было и при уставе 1863 г. В иных же случаях они приобрели чисто формальный характер. Первое время применение их было иное и весь смысл заключался в замене ими университетских испытаний при существовании государственных экзаменов. Но в жизнь вошли государственные экзамены только по названию и этим самым было уничтожено всякое учебное значение зачетов.

3. По уставу 1884 г. университет не делал экзаменов своим слушателям, они должны были производиться *особенными государственными комиссиями*. По идее и по мотивам, выставленным составителями проекта, эти комиссии не

должны были состоять из преподавателей, так как они должны были их контролировать. На осуществление этой задачи были истрачены — совершенно не достигши цели — миллионы рублей из средств государства и частных лиц. По идее эти комиссии должны были производиться раз в год и в течение прохождения курса академическая жизнь должна была регулироваться главным образом семестральными зачетами. Очень быстро жизнь обратила эти государственные экзамены в фикцию. Часть их перешла в университеты, и некоторые факультеты целиком вернулись к прежней курсовой системе экзаменов, они производятся преподавателями и *de facto* находятся в тесной связи с читаемым курсом. Наконец так называемые «Государственные комиссии» превратились в окончательные университетские испытания и фактически ничем не отличаются от прежних университетских экзаменов, крайняя неудовлетворительность которых ясно сознавалась и выставлялась еще в 1880 г. министром народного просвещения. С точки зрения учебной от этой реформы сохранилось только одно имя, не отвечающее действительности; все это ясно понимали противники этой меры при обсуждении устава 1884 г., и предвидения большинства членов Государственного совета, высказанные в 1884 г., вполне оправдались жизнью.

4. Вводя программу экзаменов, составители устава выставляли этим неизбежность контроля над читаемыми в университете курсами для достижения полноты, цельности и последовательности в изложении лекций. Преподаватели должны были прочитывать весь курс согласно установленному в программе экзаменов минимуму. В действительности этот порядок вещей не противоречит и уставу 1863 г., и на некоторых факультетах (например, на физико-математическом и медицинском) никакого изменения не произошло по сравнению с прежним учебным строем. Программа устава 1884 г., проведенная законодательным путем, на историко-филологическом факультете при ее применении в действительности чуть было не послужила к его гибели и была изменена распоряжениями министра народного просвещения и, в общем, возвращена к старому в первые же годы применения устава. Но очень скоро оказалось, что университетские курсы *вообще* не могут быть приноровлены к официальным программам экзаменов. В программы некоторых предметов были введены ошибки и совершенно неверные гипотезы. В течение 17 лет они не подверглись на некоторых факультетах (например, на естественном отделении) никаким изменениям и, очевидно, стали очень скоро в резкое и далеко не желательное в педагогическом отношении противоречие с читаемыми в

университете научными курсами. С 1884—1901 гг. наблюдаются быстрый рост и изменение в материале и в воззрениях научной области. Нельзя в 1901 г. читать научный курс по программе, составленной в 1884 г., тем более если программа 1884 г., составленная канцелярским способом, была далека от тогдашнего уровня науки, как это наблюдалось по некоторым предметам.

5. Наконец, устав 1884 г. вводил *гонорарную* систему и громко провозгласил введение академической *свободы слушания* лекций. В действительности такая свобода существовала в русских университетах с 1855—1863 гг., предполагалась по Головинскому проекту 1862 г. и в гораздо большей степени действовала после 1863 г., чем после 1884 г. И гонорарная система очень скоро обратилась не в то, что она представляла по идее. Вместо возможности выбора преподавателя она, при обязательности курса, получила значение только как средство более строго надзора за посещением студентом только тех лекций, на которые он подписался. Этим создался порядок университетских занятий, совершенно противоречащий проектам министерства и всей вековой традиции русских университетов. В учебном отношении такой порядок был только вреден для умственного и духовного развития юношества. В разных университетах он вошел в жизнь в различной степени и, к сожалению, наиболее строго в нашем.

Таким образом, из введенных в 1884 г. изменений учебного характера *ничто не привилось в жизни*. Жизнь вернулась более или менее к рамкам, сложившимся в университетах до «нового устава». Нередко приходится слышать о влиянии новой реформы на происшедшее расширение практических занятий и семинарий и на развитие института приват-доцентов. В действительности они тесно связаны с уставом 1863 г., и реформа 1884 г. только не прервала начавшегося развития этой стороны университетской жизни. При обсуждении устава 1884 г. много выставялось значение института приват-доцентов, но, в общем, в это время он был уже у нас сложившимся явлением, по крайней мере в больших университетах, например в Петербургском. Особые указания на него в мотивах к реформе 1884 г. явились следствием того, что проект ее выработывался на основании сведений, собранных в 1875 г., а рост института приват-доцентов стал на прочную почву в конце 1870-х гг. в связи с увеличением количества студентов и ростом контингента деятелей науки в России.

Точно то же надо сказать и об организации практических занятий. Мы видим их широкое и плодотворное развитие в университетах, но практические

занятия и семинарии на историко-филологическом, физико-математическом и медицинском факультетах — создание устава 1863 г. Если они развились за последние 20 лет, то только под влиянием увеличения специальных средств университета благодаря наплыву студентов. На историко-филологическом факультете устав 1884 г. вначале даже понизил семинарский характер работы. Наконец, на юридическом факультете только теперь начинаются попытки «практических занятий» в широком развитии и, очевидно, не стоят в связи с уставом.

В то же время устав 1884 г. надолго затормозил совершенно неизбежное расширение преподавания — в смысле создания новых кафедр, институтов и делений факультетов. Все поднятые жизнью и выдвинутые университетами в период 1863—1884 гг. желания были оставлены без внимания при выработке устава 1884 г. Составители устава 1884 г. находили, что уже устав 1863 г. расширил преподавание «не довольно соразмерно с наличными силами». Однако они не сочли нужным «останавливать это расширение», но они считали, что только необходимо «направить внимание на распространение образования не только вширь через обилие второстепенного, а на углубление его и сосредоточение на отделах первостепенной важности». В 1884 г. гр. Делянов защищал ту же точку зрения. В ответе на возражения министра финансов ген[ерал]-ад[ъютанта] Грейга, он говорит: «Состоявшими при Комиссии по пересмотру университетского устава Комитетами по отдельным факультетам, главнейшими из университетских ректоров и наличных профессоров предположено было для обеспечения надлежащей полноты преподавания значительно большее число профессоров, и уже самое министерство ограничило оное таким составом, который нельзя не признать безусловно необходимым». Выработано Комиссией (в 1875—1877 гг.) — 106 профессоров на университет, министерство (в 1884 г.) нашло возможным ограничиться 70. В числе немногих поправок, внесение коих выпало на долю Государственного совета при обсуждении устава гр. Толстого, стоит учреждение кафедры географии; поддержанное до известной степени Государственным советом давнишнее желание университетов об образовании кафедры физиологии не осуществлено до сих пор и т. д. Все учебно-вспомогательные институты и лаборатории, бедность которых ясно была высказана еще в отзывах Советов в 1872 г., до сих пор остались на прежнем положении. Если в действительности средства их увеличились, создались даже новые институты и кафедры, то только благодаря увеличению количества

студентов и вызванному тем увеличению специальных средств университетов. Устав 1884 г. задержал почти на 20 лет неизбежное расширение преподавания, и мы теперь стоим перед неотложностью ожидаемой в течение 40 лет реформы.

Точно так же оказались задержанными и не принятыми во внимание вызванные учебными потребностями деления факультетов на новые отделения; устав 1884 г. даже уничтожил существовавшие, например физико-химическое отделение (в Харьковском университете). Теперь приходится его восстанавливать.

Из всего сказанного видно, как слабо и бледно благотворное влияние нововведений учебного характера, внесенных в университетскую жизнь уставом 1884 г. Некоторым из положенных в его основу мыслям нельзя отказать в полезности или правильности (например, об исключении экзаменов из университетов, о свободе учения и т. д.), но они приняли форму, которая совершенно не соответствовала русским условиям или приводила к результатам, диаметрально противоположным желаниям и надеждам законодателя. Ту же самую черту видим мы и в другой реформе гр. Толстого — в гимназической.

Гораздо более сильно — и более бедственно — отразился на русских университетах ряд нововведений устава 1884 г., вызванных *соображениями политическими* или государственными.

Очевидно, в строе университета эти соображения должны всегда стоять на втором плане; они без вреда могут преобладать лишь недолгое время. Они являются средствами подавления острых проявлений общественной жизни — беспорядков, волнений. Немыслим — без вреда для государства — такой порядок, при котором волнения и беспорядки и острые меры к их подавлению принимают характер нормального, обычного положения вещей. А между тем как раз такой порядок создан в русских университетах уставом 1884 г. и его последующим развитием. Целесообразность таких мер могла бы оправдываться единственно их быстрой удачей, их ошибочность и вред становятся ясными, когда они не достигают поставленной определенной цели или делают острую беду хронической. В таком случае эти меры могут сделаться таким же бедствием, как и вызвавшие их беспорядки и неустройства.

17 лет — достаточный период для суждения. Между тем все принятые решительные меры полицейского или политического характера в эти 17 лет не могли достигнуть какого бы то ни было — иногда даже внешнего — порядка в университете. Напротив, по мере их постоянного усиления и роста мы видим

усиление и рост волнений, беспорядков, неладов, которые требуют их нового проявления и т. д. Получается заколдованный круг. Главным выражением неустройства в университетских делах явились студенческие волнения. Во взгляде на их причины и на меры к их устранению составители устава придерживались, в общем, принципов, выработанных СовеЩанием министров 23 декабря 1874 г., развивая более определенно и полно некоторые из предложенных мер. По взгляду, проводившемуся с того времени, причина беспорядков и нестроений заключалась: 1) в излишней независимости профессорских коллегий и в недостаточной власти министра в управлении университетом, 2) в недостаточном установлении и охранении дисциплинарного строя в университетах, 3) в переполнении университетов малоподготовленными и не обладающими достаточными средствами студентами, 4) в плохой постановке учебного дела автономными коллегиями. Министерство старалось создать порядок в университетах, при котором отражения брожений в русском обществе не прервали бы правильного хода университетской жизни. Создать такой порядок всеми принятыми мерами не удалось. Напротив, университетский строй оказался ими совсем расшатанным, вследствие беспорядков правильная работа в университете прерывалась в течение месяцев. В то же время суровость мер все увеличивалась и их влияние на университетскую жизнь становилось преобладающим. Ввиду этого крайне важно выяснить их значение с точки зрения академического строя.

1) Меры по отношению к профессорской коллегии.

Как было уже указано, профессора после 1884 г. стали в университете в положение, которое имеет аналогию только с 1849—1855 гг. Они не сохранили никаких следов автономии; всякое значение Совета в университетской жизни исчезло, и профессора очутились в университете в положении отдельных преподавателей, чуждых и сторонних по закону и практике университетской жизни. Вековое пользование автономией, которой они вдруг лишились без определенной вины со своей стороны, не могло, конечно, способствовать распространению в среде их довольства новым уставом и необходимого в жизни спокойствия. Это сознавали и авторы устава 1884 г. Они, с одной стороны, улучшили материальное положение профессоров, а с другой — хотели предоставить министру народного просвещения право назначать профессорами людей, не имеющих научного звания и ученых степеней, но пробывших известное число лет учителями гимназий. Последняя мера не прошла в Государственном совете. Во многих случаях новый порядок был

связан с целой массой мелких и крупных незаслуженных оскорблений для профессоров, был не один случай столь редких в других ведомствах и столь тягостных примеров увольнений по третьему пункту, причем виновные не могли даже узнать своей вины. Абстрактно проведенная реформа, лишившая университеты веками установленного порядка, не опиралась ни на какие строго определенные факты, которые бы ее вызывали. Нельзя счесть ими впечатления, вынесенные Комиссией 1875 г., и Министерство народного просвещения их не выдвигало. Гр. Толстой в 1882 г. выражал лишь свое общее впечатление, что при установившихся в университетах порядках «в университетских коллегиях воспитывалось настроение, явно враждебное всякому воздействию не только попечителей учебных округов, но даже и министра народного просвещения на дела университета; и вырабатывалось убеждение, что распоряжения центральной власти в этой области составляют нарушение основных начал университетского устава и должны вызывать противодействие со стороны Совета». С другой стороны, вводя реформу, составители проекта сознавали, что университетские коллегии «относятся, по-видимому, не вполне сочувственно к некоторым из проектированных Министерством народного просвещения мер и могли оказать косвенное противодействие». Наконец, необходимость уничтожения автономии университетской коллегии и назначения профессоров без предварительного выбора в значительной степени выводилась чисто отвлеченным, логическим путем из необходимости создания порядка, при котором «начальническая власть» министра не была бы уменьшена, а была бы увеличена. Увеличение же ее желательно и нужно для лучшей постановки дела. Для этой цели был энергично сломан вековой порядок, внезапно отстранены от участия в деле, в которое они вложили всю свою жизнь, сотни людей, не была дана им возможность даже защититься от явно и резко выраженных недоверия и осуждения их жизненной работы, исполнения ими своего долга. Нравственно профессора были разбиты реформой 1884 г., в конце концов созданся тяжелый, давящий порядок университетской жизни; через 17 лет устав 1884 г. остался в сознании новым, чуждым академической жизни. Только любовь к делу, единственная возможность в жизни всезахватывающей научной работы, вера в невозможность бесконечного продолжения неустойчивого положения удерживало и удерживают многих преподавателей в тяжелой, гнетущей атмосфере русского университета. Такое чувство профессоров проявилось ясно в том, что во всех университетах почти единогласно Советы высказались за необходимость восстановить профессорскую автономию и права ее

самопополнения. Не политическое, а академическое значение такого решения ясно уже из того, что за него высказываются люди самых разнообразных и противоположных мнений, взглядов и направлений.

Не касаясь других сторон университетской жизни, необходимо обратить внимание на положение, созданное новым порядком в университетском строе. Поставив профессоров как сторонних лиц в университете, ясно и резко выразив недоверие исполнению ими своего дела, министерство потеряло всякую возможность влияния на студентов; фактически профессора, если они почему бы то ни было дорожили своим пребыванием в университете, были вынуждены держать себя в стороне от текущей университетской жизни. А между тем жизнь нередко заставляла искать такого влияния, особенно после того, как студенчество оказалось более или менее организованным. Попытки в нужных случаях гальванизировать труп Совета, держа его строго в рамках устава 1884 г., были так же малоудачны, как малоуспешны были действия Советов по уставу 1835 г. при аналогичных обстоятельствах. Поневоле пришлось пытаться создать новую силу в университете, которая могла бы заменить для министерства в этом отношении разрушенную профессорскую коллегия. Эту силу думали найти в создании последних лет жизни университетов, в так называемом «институте инспекции».

2) Создание института инспекции.

Инспекция разрасталась в университете постепенно, поглотила миллионы рублей государственных и университетских денег; ее содержание ежегодно стоит около 200 тыс. руб., считая пенсии, квартиры натурой и т. п. расходы. Главная цель ее — поддержание порядка среди студентов; эту цель она оказалась совершенно не в состоянии выполнить. Печальные события последних лет выяснили это с безусловною убедительностью. «Институт инспекции» совершенно неизвестен в университетах Запада и стоит в резком противоречии с основами и идеалами университетского строя.

Инспекция развилась у нас постепенно, название инспектора появилось в уставе 1804 г. — это был выборный профессор, имевший дело со студентами, живущими в общежитии. Только в 1835 г. появился инспектор из посторонних лиц, но до 1849 г. его влияние в университетской жизни было второстепенное, хотя уже тогда отношение к инспекции среди студентов стало резко враждебным. По уставу 1863 г. инспекция, в общем, вернулась к порядку 1835 г., но с полным подчинением ее Совету и с правом университета сохранить главное руководство дисциплинарным порядком в руках своих

членов (выборный проректор). Первое крупное изменение произошло в 1879 г. в указанной выше мере гр. Толстого; тогда инспекция всецело подчинена была попечителю, были расширены ее состав и функции. Такой порядок продержался около года. В 1881 г. вернулись к прежнему положению, а в 1884 г. с некоторыми изменениями восстановлена мера 1879 г. Положение инспекции теперь двойственное: она подчинена непосредственно попечителю, но и ректор имеет на нее известное влияние. Чрезвычайно вредно отразилось то, что инспектор есть в то же время член Правления [12]. Фактически он явился судьей в своих делах и ошибках. Это, несомненно, много способствовало тому падению авторитета Правления университета, которое, к сожалению, так заметно в эти последние года. С 1884 г. количество и качество инспекции все увеличивалось, в русских университетах появились педеля, фактически не изменившие своего положения, несмотря на высказанные в 1899 г. официальные указания их деятельности. В 1899 г. происходит дальнейшее значительное расширение состава инспекции.

В то же самое время — при недоверии к профессорам, которым проникнут устав 1884 г. и его применение в жизни — на инспекцию возложено нравственное и умственное влияние на студентов, т. е. та функция, которая по самому своему духу есть прямая обязанность профессоров, которую они ни с кем никогда в стенах университета делить не могут. В университете должен быть посредствующий орган между министерством и студентами; уничтожив этот орган в лице профессоров, жизнь заставила его искать в «институте инспекции». Очевидно, с учебной точки зрения и с точки зрения авторитета власти, такое выдвигание «института», по характеру имеющего чисто полицейские функции, в университетском строе не могущего обладать авторитетом знания и вполне бюрократического по устройству, как руководителя молодежи является фантастическим. Никогда этим путем не может быть достигнуто спокойствие. Такой «институт», стоящий в резком противоречии с идеалами и традициями университета, научного преподавания и студенчества может только вызвать (и вызывает) столкновения и беспорядки в университете. Достаточно слышать, как студенты отзываются об инспекции и как чины инспекции отзываются о студентах. В конце концов студент стал вполне в бесправное и поднадзорное положение в университете. Раздраженные мелкими постоянными столкновениями, целыми днями сидящие в университете без дела, чины инспекции ставят в ложное положение авторитет власти и теряют — при первой неловкости — последние следы уважения со

стороны студентов. Никакая организация студенчества невозможна при их современном положении в университете.

3) Меры против переполнения университетов.

Наконец, третью категорию мер политического характера внес устав 1884 г. в отношении к переполнению университетов. Это действительно один из крупных и очень коренных недостатков современного университетского положения. Единственным из него выходом является открытие новых университетов, так как стремление к образованию есть проявление правильного, жизненно важного роста русского общества. Все меры, которые были направлены к прекращению переполнения в 1884 г. и позже, имели, однако, главным образом целью прекратить доступ более бедной части студенчества. Комиссия 1875 г. пришла к заключению, что эта более бедная часть студенчества является главным очагом волнений и понижает культурный и умственный уровень студенчества, и этот взгляд проводился и во время обсуждения реформы 1884 г. В общем, все эти меры не имели успеха для той цели, для которой делались, так как встретились с чисто житейскими обстоятельствами, неуклонно их уничтожавшими. Такими обстоятельствами были: 1) увеличивающееся число лиц, кончающих гимназии; вновь открываемые высшие технические учебные заведения не оказывались достаточными; очевидно, это число должно увеличиваться и впредь, так как стремление к образованию неудержимо захватывает все более и более глубокие круги русского общества, а количество гимназий было искусственно задержано последние 20 лет; 2) самодеятельность студентов и русского общества, почти совершенно парализовавшая некоторые меры (например, плату за слушание лекций); 3) финансовые интересы университетов, самое правильное функционирование преподавания в которых тесно связано со специальными средствами, т. е. с количеством студентов.

Меры, которые принимались в этом отношении, заключались:

1. *В увеличении платы за слушание лекций.* Несомненно, плата за слушание лекций, увеличенная в 1885 г. вдвое, явилась чрезвычайно тяжелой для русского студента. В действительности почти вся надбавка (т. е. гонорар профессоров) вносится благотворительными сборами, т. е. русским обществом. Эта мера не уменьшила количества студентов, тесно связана с массой страданий, беспокойств и далеко не способствует правильному и свободному функционированию университетской жизни. Времена перед последним сроком уплаты — самые тяжелые и мучительные времена в академической жизни.

Нельзя, однако, не признать, что только увеличение количества студентов благодаря увеличению специальных средств (т. е. платы со студентов) помогли университетам перенести тяжелые года с 1884 г., так как позволили организовать широко институты и практические занятия.

2. *Затруднения в доступе* в университет из среднеучебных заведений — путем монополии классических гимназий, лучшей подготовкой гимназистов, большей строгостью экзаменов на аттестат зрелости. Происходящая теперь реформа среднеучебных заведений является лучшей оценкой этого явления в русской жизни. Проектированное составителями устава 1884 г. требование залогов с поступающих в университет или доказательств их платежной способности не прошло в Государственном совете. Организация интернатов получила иной характер — благотворительный — чем тот, который сперва предполагался.

3. *Территориальность университетов по округам* [13]. Мера эта, введенная в виде временной в 1899 г. покойным министром Н. П. Боголеповым, вероятно, сохранит ненадолго свое значение, так как, могущественно способствуя областной обособленности, она стоит в резком противоречии со всей государственной политикой России. Очевидно, с академической точки зрения такая мера не может иметь за себя данных.

Из всего изложенного ясно, что меры политического характера, введенные в 1884 г., не достигли своей прямой цели, не создали порядка в университете, но в то же время внесли глубокие изменения в университетский строй, совершенно расстроили спокойствие и правильный ход университетских занятий. Они создали и поддерживают положение, при котором в университетскую жизнь постоянно вносятся различные столкновения и нет в ней ни малейшей устойчивости, этого столь необходимого и основного элемента нормальной жизни учебного и ученого учреждения. Все в ней основано на применении силы распорядительной власти: но такая сила может иногда подавить и не допустить *проявления* беспорядка, она не в состоянии, однако, не допустить *зарождения* волнения, не в состоянии внести внутренний порядок. В университете она всегда будет силой *внешней*; внутренний порядок в университете основывается лишь на согласии форм его жизни с его идеалами, традициями и целями.

3

Из этого краткого очерка истории и современного порядка в университете нетрудно сделать выводы об основах и характере необходимой реформы. Для достижения прочного порядка и правильных норм развития, устойчивости в университетской жизни необходимо ввести в нее те идеалы, которые временами принимали форму закона и которые *никогда* не переставали жить в сознании и желаниях русского университетского гражданина. К ним стремились всегда, и глухая борьба в них или сдерживаемое к ним стремление всегда были и будут. Эти основные принципы выражены в уставе 1804 г., в первоначальном проекте устава 1862 г. К ним, конечно, необходимы изменения и развития, вызванные жизнью, но эти изменения не касаются основных принципов.

В немногих положениях необходимые реформы могут быть сформулированы так.

1. Полная автономия университетской профессорской корпорации, представленной Советом университета. Правление и другие хозяйственные комитеты являются его исполнительными органами, дающими ему отчет и им выбираются. Совет выбирает ректора, деканов, профессоров и представляет их на утверждение министра народного просвещения. Совету предоставлено право утверждения университетской сметы и ревизии ее исполнения.

2. Университет непосредственно подчинен министру народного просвещения, который является его начальником. Власть попечителя должна быть строго определена, и он лишь следит за нарушением закона университетскими властями. Всякое незаконное восстановление он временно останавливает, представляя дело на окончательное решение министра народного просвещения.

3. Институту инспекции нет места в университетской жизни. Он должен быть уничтожен. Надзор за порядком должен быть предоставлен выборному из профессоров проректору, университетскому суду и студенческой корпорации. Внешний порядок подлежит охране эскутора университета.

4. Плата за слушание лекций должна быть понижена, и студенты должны получать право свободного посещения всех лекций. Характер проверки знания и выработка программ преподавания составляют дело факультетов под высшим надзором Советов. Государственные экзамены должны стоять вне университетов. Их сохранение желательно, так как они представляют

единственную форму действительного и прочного контроля Министерства народного просвещения над преподаванием без нарушения и постоянных столкновений с университетской автономией.

5. Доступ в университет должен быть расширен, но университетам предоставлено право ставить свои требования для приема. Широкое допущение посторонних слушателей крайне важно. Университет не должен давать никаких прав и дает только ученую степень — кандидата, магистра, доктора. Эти степени необходимы для замещения всех университетских должностей.

6. Студенческая корпорация должна быть признана. Участие в ней студента должно быть его правом и обязанностью. Наиболее удобной является курсовая организация. Должны быть выработаны правила, предоставляющие студентам право образовывать другие формы студенческих товариществ.

7. Средства университета должны быть расширены и введены новые штаты. Гонорар должен быть уничтожен, но содержание профессоров и университетских служащих увеличено согласно требованиям современной жизни. Количество кафедр и их средства должны быть приведены в соотношение с современным уровнем науки.

29 июля 1901

Примечания

1. Сходки студентов полиция разогнала в Киевском, Московском, Петербургском университетах, арестовала их участников. Студенты, в свою очередь, заявили о недопустимости введения полиции в здания университетов и в знак протеста прибегли к забастовке. 29 июля 1899 г. царь издал указ об отдаче студентов в солдаты за участие «скопом в беспорядках». Одновременно последовали увольнения многих свободомыслящих профессоров. В своем дневнике 28 августа 1899 г. В. И. Вернадский писал: «Из Московского университета удален Гамбаров. Ходили и ходят определенные слухи об удалении и мерах против других профессоров (называли и называют: Умова, Зелинского, меня, Тимирязева)... Говорят, "предназначено" к увольнению 22 профессора»⁴. В Петербурге был уволен друг В. И. Вернадского, профессор истории И. М. Гревс. Создавшуюся атмосферу характеризует запись

⁴ Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М.: Наука, 1981. С. 167

В. И. Вернадского в дневнике: «Вчера видел Гамбарова [уволенного профессора]. Единственной причиной, выставляемой против него, — его образ мыслей, несогласный с образом мыслей министерства. Выгонять человека из-за "образа мыслей" — верх цинизма... Конечно, приятно было уйти отсюда, но бросать самому научную работу в избранной области — для меня очень тяжелая жертва... Но, очевидно, положение профессора непрочно и надо искать соответствующей должности, где была бы под рукой лаборатория»⁵.

5 (18) декабря 1900 г. произошло столкновение студентов Киевского университета с полицией и введенными войсками. За участие в «беспорядках» были отданы в солдаты 183 студента, что вызвало взрыв негодования во всех университетах страны. На митинге в Московском университете была принята резолюция протеста. Университетские власти вызвали войска, студентов препровождают в здание Манежа, а затем в Бутырскую тюрьму. Началось следствие. 14 февраля 1901 г. во время приема просителей в здании Министерства народного просвещения в Петербурге мещанин П. Карпович выстрелом из револьвера смертельно ранил министра Н. П. Боголепова. Он скончался 2 марта 1901 г.

2. Речь идет о циркуляре министра П. С. Ванновского. См. выше.

3. Устав 1863 г., утвержденный Александром II 18 июня 1863 г., на гребне либеральных реформ того времени, ввел частичную автономию университетов. Об истории создания и прохождении устава см.: *Эймонтова Р. Г.* Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX в. М.: Наука, 1993. 272 с.

4. В декабре 1765 г. по указанию Екатерины II профессора Московского университета А. А. Барсов, И. М. Шаден и другие составили записку: «Мнение об учреждении и содержании университета и гимназии в Москве», в которой содержалась программа университетской автономии. Записке не был дан ход, и новый устав университета не был утвержден⁶.

5. Об истории создания и о судьбе университетского устава 1884 г. см. также: *Щетинина Г. И.* Университеты в России и устав 1876 г. М.: Наука, 1976. 230 с.

6. Имеется в виду Киевская Духовная академия — одно из первых высших учебных заведений в России. Возникла на базе Киевской Братской

⁵ Там же. С. 167—168.

⁶ См.: Университет для России: Московский Университет в александровскую эпоху. М.: Русское слово, 1997. С. 79—80.

школы (1615 г.), в 1631 г. была объединена с Лаврской школой; названа Киево-Могилянской в честь ее протектора, митрополита Петра Могилы. В 1701 г. по указу Петра I получила титул и права академии. Курс обучения составлял 12 лет. В XVII—XVIII вв. стала одним из первых центров славянской философской мысли. Способствовала становлению украинского литературного языка. В разные годы в ней обучались от 500 до 2000 студентов. Открывала коллегииумы в других городах. Была закрыта в 1817 г., а в 1819 г. преобразована в Киевскую Духовную академию.

7. Слободской Украиной (Слобожанщиной) в XVII—XVIII вв. называлась левобережная ее часть с центром в Харькове. Харьковская губерния была образована в 1835 г.

8. Харьковский коллегиум был открыт в 1727 г. по образцу Киево-Могилянской академии. Преподавались грамматика, риторика, политика, философия. В 1765 г. открылись дополнительные классы для преподавания русского и новых иностранных языков, математики, архитектуры, артиллерии с геодезией, физики, рисования. В 1773 г. классы выделились в особое казенное училище, которое до XIX в. было центром просвещения для всей Слободской Украины. После открытия Харьковского университета в 1805 г. Коллегиум стал чисто профессиональным учебным заведением.

9. Дерптский университет основан в 1802 г., в 1893—1918 гг. именовался Юрьевским, затем Тартуским. Его предшественником была шведская Академия Густавиана (1632—1665 гг. и 1680—1710 гг.), Або — шведское название финского города Турку.

10. Известный своей борьбой с вольномыслием попечитель Петербургского учебного округа 1820-х гг. Д. П. Рунич представил Главному управлению училищ записку, в которой писал, что «философские и исторические науки преподаются в университете противно христианству и в умы студентов вкореняются идеи, разрушительные для общественного порядка и благосостояния». Он организовал университетский суд над несколькими профессорами по обвинению в «якобинизме и атеизме» и добился их увольнения из Петербургского университета.

М. Л. Магницкий — помощник министра духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицына, известного своим мистицизмом и обскурантизмом. В 1819 г. проводил ревизию Казанского университета, в результате которой 11 профессоров были уволены по обвинению в

неблагонадежности, а сам он был назначен попечителем Казанского учебного округа.

11. В. И. Вернадский, глубоко интересовавшийся постановкой образования и в начальных, и в средних учебных заведениях, предполагал написать, кроме данной, и вторую статью — о реформе гимназий. Об этом есть его письмо к Н. Е. Вернадской от 21 мая 1901 г.: «Я обдумываю еще одну статью о реформе гимназий... Мне кажется, о всех толках недостаточно точно и резко выступает основной принцип: необходимость расширения прав общества образовывать гимназии различных типов и предоставление по возможности упругих программ гимназиям, которые представили бы возможность разумной инициативы и самостоятельности педагогическим советам. Необходимым условием является представление Университетским советам права решать самим, каким учебным заведениям они разрешают без экзамена выпускать учеников в университет»⁷. Замысел осуществлен не был.

12. Правление университета было введено уставом университетов 1804 г. как исполнительный орган Совета. В Правление входили ректор университета, деканы факультетов и непременные заседатели из числа ординарных профессоров, назначаемые попечителем учебного округа (см. примеч. 13).

13. Учебные округа были введены вместе с организацией Министерства народного просвещения в 1803 г. На основании «Предварительных правил народного просвещения» было создано 6 учебных округов с центрами в университетских городах: Московский, Петербургский, Харьковский, Казанский, Виленский и Дерптский. Главой округа становился назначенный попечитель. На первых порах университетам было поручено руководить постановкой учебного дела в округах. В 1835 г. было введено «Положение об учебных округах», которое освобождало университеты от этой обязанности. Управление учебными заведениями округа оставалось в ведении попечителя и созданного при нем попечительского совета. В начале XX в. существовало 12 учебных округов. Они были ликвидированы в 1918 г.

---

⁷ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. Ед. хр. 47. Л. 38 об.